

УДК 392.3, 392.6
DOI 10.17223/19988613/40/18

Ю.Н. Феденок, В.Н. Буркова

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №13-31-01288 «Традиционная и современная организация жилого пространства дома: кросскультурное исследование».

Структурирование жилого пространства является универсалией человеческого проксемического поведения. Однако сами способы организации жилого пространства различаются в разных культурах и могут меняться под влиянием иноэтничного окружения. В работе рассматриваются трансформации в организации жилого пространства дома, происходящие в семьях народов Кавказа, переехавших в Москву.

Ключевые слова: организация пространства; жилой дом; народы Кавказа; мигранты Москвы; проксемика.

Уже со времен верхнего палеолита человек начал организовывать свое жилое пространство как в плане его технического оснащения, так и его символизации [1. Р. 150]. В традиционной культуре внутренняя структура жилища являлась своего рода проекцией мира внешнего, а стратегии поведения человека зачастую выстраивались в зависимости от того, находился человек внутри или снаружи дома [2]. В целом жилой дом – это образ созданного человеком культурного пространства [3. С. 42], а конструирование самого пространства может рассматриваться как «физическое и ментальное выражение организации пространства человеком» [4. С. 21].

Дом является материальным отражением идентичностей и ценностей населяющих его людей, а его расположение и внутреннее устройство, с одной стороны, воплощают, а с другой – структурируют социальные отношения домочадцев [5–7]. Структурирование жилого пространства является одной из универсалий человеческого поведения. В то же время способы структурирования пространства всегда этнически специфичны и в целом являются одним из компонентов культуры народа [8. С. 21]. Хотя дом представляется относительно устойчивым компонентом материальной культуры, в его жилом пространстве все время происходят изменения, могущие с течением времени, в свою очередь, стать традиционными [9. С. 3]. Таким примером может служить структурирование пространства дома компактной этнической группы, проживающей в иноэтничном окружении. В новых условиях пространство дома изменяется по сравнению с национальным массивом, от которого они откололись, под влиянием местных географических, климатических, исторических, этнических и конфессиональных реалий [10. С. 353; 11. С. 43; 12].

Во всех культурах существуют нормы этикета, регламентирующие расположение индивидов в доме в зависимости от их статуса, возраста, пола и степени родства [13. С. 223; 14]. В проксемических параметрах это выражается в выделении таких категорий, как «почетный – менее почетный», «счастливый – несчастливый», «право – лево», «центральный – периферийный», «мужской – женский» [8. С. 21], а также в виде этноэтикетных «предписаний ритуализованного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия» [15. С. 10].

Этноэтикет – это своего рода эталон внутрисемейных, межполовых, межпоколенных и междоусобных взаимоотношений [Там же]. В системе этноэтикета правилам структурирования пространства принадлежит особое место. Связано это с тем, что этикетно значимое распределение пространства находится в зоне социального взаимодействия людей [8. С. 20]. Пространственная организация жилого пространства дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми в процессе социализации и воспроизводится практически неизменной во взрослой жизни [16, 17]. Такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, многие из них остаются почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры.

Этноэтикет – это своего рода эталон внутрисемейных, межполовых, межпоколенных и междоусобных взаимоотношений [Там же]. В системе этноэтикета правилам структурирования пространства принадлежит особое место. Связано это с тем, что этикетно значимое распределение пространства находится в зоне социального взаимодействия людей [8. С. 20]. Пространственная организация жилого пространства дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми в процессе социализации и воспроизводится практически неизменной во взрослой жизни [16, 17]. Такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, многие из них остаются почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры.

Объект и методы исследования. В рамках исследования трансформации норм и традиций пространственного поведения в семьях недавних мигрантов было проведено полуструктурированное интервьюирование детей и подростков разных национальностей и возрастов. Респондентам задавались вопросы о количестве членов семьи, количестве комнат в доме/квартире, о наличии любимого места у каждого члена семьи, наличии «своего» места за обеденным столом и понятие «главы стола», о правилах приема гостей. Также мы фиксировали место рождения, количество прожитых лет в Москве, язык домашнего общения, вероисповедание.

Всего было опрошено 40 детей и подростков мигрантов в возрасте от 9 до 17 лет, обучающихся в общеобразовательных средних школах г. Москвы. Все они проживали в Москве или в ближайшем Подмосковье. Из них 14 армян, 16 вайнахов (9 чеченцев и 7 ингушей), 5 грузин, 3 азербайджанца и 2 дагестанца. 19 человек исповедуют христианство и 21 – ислам; 12 человек с рождения проживают в Москве и Подмосковье, 16 – более пяти лет и 12 – менее пяти лет.

Количество детей в различных по этнической принадлежности семьях школьников сильно разнилось. При сравнении было выявлено, что наименьшее количество детей приходится на русские семьи (среднее количество детей в семье 1,6). В азербайджанских, армянских и грузинских семьях количество детей несколько выше (в среднем 2 ребенка), а наибольшее число детей в семье приходится на семьи народов Северного Кавказа: дагестанцев, чеченцев и ингушей (в среднем 3,5 ребенка). Эти данные отражают общую демографическую ситуацию в Московском регионе [18]. Демографы отмечают, что среднее число детей во всех возрастных когортах ниже в русских семьях (1,16–1,32), чем в семьях других национальностей (1,23–1,47) [19].

Результаты. Этническая принадлежность, количество членов семьи, их половозрастной состав и количество комнат в квартире или доме являются определяющими факторами в структурировании жилого пространства. Во всех семьях мигрантов отмечается нехватка жилой площади при большом количестве проживающих членов семьи. Так, у армян в среднем на 3,9 членов семьи приходится 2,8 комнаты, у грузин – 4,6 на 2,0, у дагестанцев и азербайджанцев – 4,4 на 3,0, у чеченцев и ингушей – 5,6 на 2,5. Почти все школьники отметили, что к ним часто приезжают родственники из родных мест, что еще больше усугубляет скученность в жилых помещениях. В семьях армян и грузин не редкостью бывает ситуация, когда мать одна воспитывает детей, что не встречалось в семьях азербайджанцев, дагестанцев и вайнахов.

Сама идея дома располагает к интимности и сосредоточенности, к отождествлению с собственной личностью [3. С. 58]. Наши респонденты, независимо от этнической принадлежности, отметили, что в их семьях почти все члены семьи стараются выбрать свое любимое место, уголок, где можно было бы отдохнуть и уединиться. Однако, в отличие от других школьников, только чеченцы и ингуши отметили, что в их семьях есть жестко зафиксированное за каждым членом семьи место перед телевизором.

Половая сегрегация. Традиционный этикет семейной жизни у народов Кавказа тесно связан с символической топографией жилища, в которой выделяются две категории мест – «мужское – сакральное» и «женское – профанное» [20]. У многих народов Кавказа дом делился на две половины – правая от входа или от очага называлась «у двери» и была мужской, левая половина дома называлась «у посуды» и была женской [21]. Горизонтальное расположение мужского и женского в пространстве нередко связано и с вертикальным делением жилого пространства. Например, в жилых постройках горцев Грузии помещения нижнего яруса составляли основное жизненное пространство лиц женского пола (там же обычно содержали скот), а верхние этажи были закреплены за мужчинами, и без особой необходимости женщины и мужчины не заходили на противоположную половину дома [Там же; 22].

В традиционных расширенных семьях народов Кавказа была четко выражена половозрастная регламентация прав и обязанностей всех членов семьи [23. С. 519]. У многих народов взаимоотношения полов регулировались обычаями избегания, в том числе между супругами, родителями и детьми и со старшими родственниками супруга или супруги [20; 21; 23. С. 521]. Маленькие дети, независимо от пола, играли вместе, а с 6–8 лет мальчиков и девочек начинали постепенно обособлять. Наше исследование, проведенное в г. Владикавказе, показало, что в современной городской культуре осетин дети по традиции спят в комнате с родителями до 6–8-летнего возраста даже при наличии свободных комнат в доме [24].

Именно с этого возраста за поведением девочек начинали очень строго следить [25. С. 315; 26]. При их воспитании акцент делался на привитие своеобразного девического кодекса чести и морали. Женщины уже с 3-летнего возраста мальчиков должны были соблюдать кодекс стыдливости по отношению к ним (не обнажать руки или ноги, сидеть, сведя колени вместе, ходить не спеша, громко не говорить и не смеяться), которые позже, по вступлении юношей в брак, перерастали в обычай избегания [27].

Традиционно переломным моментом в жизни детей на Кавказе являлось достижение возраста 10–12 лет. С этого времени размежевание полов становилось более строгим, а их взаимоотношения строго регламентировались. Детей у народов Северного Кавказа с этого возраста переводили из общего помещения дома, где они спали вместе с родителями, в отдельные: мальчиков – в кунацкую, а девочек – в девичью комнату [26. С. 32]. В современном обществе многие из этих запретов сохраняются – дети выходцев с Кавказа часто отмечают, что на родине девочки не могут свободно общаться с мальчиками – сидеть вместе, разговаривать на личные темы, гулять с ними наедине [16. С. 354; 28].

По сообщениям наших респондентов, в большинстве семей, переехавших в Московский регион из Республик Северного Кавказа, в настоящее время соблюдается то же правило. Девочек и мальчиков с подросткового возраста стараются размещать в разных комнатах, а при невозможности этого – отгородить угол, где спят девочки (Полевые материалы автора – ПМА: сообщение азербайджанца Ш., 9 лет). Младший мальчик может спать с родителями, в то время как его старшей сестре выделяется отдельная комната (ПМА: сообщение азербайджанца А., 10 лет).

Наиболее строго следят за соблюдением правил разделения разнополых детей чеченцы и ингуши. Их размещают в разных комнатах, а при нехватке комнат мать спит вместе с дочерьми, а отец – с сыновьями. Днем мальчики могут спокойно заходить в комнату к девочкам с их разрешения. Отец же строго следит за тем, чтобы они не заходили в комнату, когда девочки спят (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет). В то же время девочки могут спокойно заходить в комнату

мальчиков, даже если они спят (ПМА: сообщение чеченки А., 9 лет).

Хотя приехавшие из Армении и Грузии школьники и не отмечают столь строгое разделение братьев и сестер в их семьях, все же родители стараются выделять спальные места в разных комнатах или, если это невозможно, отгораживать разнополых детей. Однако в некоторых семьях условия проживания не позволяют придерживаться половой сегрегации: в таких семьях братья и сестры спят в одной комнате, а в условиях однокомнатной квартиры там же спят и родители. Все же по мере возможности родителям стараются выделить отдельную комнату, а бабушки и дедушки могут спать в одной комнате с однополыми внуками.

У народов Кавказа родители предельно строго контролировали поведение дочерей, в том числе всячески препятствовали их контактам со сверстниками противоположного пола [26. С. 36; 29. С. 299]. По традиции женская половина дома является абсолютно запретной для посторонних мужчин, для мужчин своей семьи – доступ в нее крайне нежелателен. В случае нарушения запрета такой поступок считался оскорблением главы семьи, а сделавший его ронял свое достоинство [20. С. 25].

Это правило поведения сохраняется и в настоящее время в семьях, переехавших в Москву. При этом следить за поведением дочерей начинают довольно рано. Так, например, отец может запрещать дочери общаться с мальчиками (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет). Находящийся в гостях мальчик может зайти в комнату к дочерям хозяев только с разрешения своего отца или отца девочек (ПМА: сообщение чеченки А., 10 лет). Это указывает на сохранение правила запрета на посещение женской половины дома посторонними мужчинами [29. С. 297]. В условиях же нехватки жилого пространства некоторые ограничения могут утрачиваться, сохраняя за собой лишь функциональную нагрузку. Так, к примеру, братья не могут заходить в комнату к сестрам только в тот момент, когда последние переодеваются (ПМА: сообщение чеченца М., 16 лет).

Девочки и сами могут выйти из комнаты, если туда зашел молодой человек (ПМА: сообщение грузинки М., 14 лет). А по сообщению 9-летнего азербайджанца А., он спокойно, без стука, может заходить в комнату своей старшей сестры. По всей видимости, в последнем случае играет роль тот факт, что брат намного лет младше сестры.

Такое этикетное поведение зачастую переносится и на условия школы, где в многоэтничном коллективе девочки не общаются с мальчиками не только своей, но и других национальностей. «Папа говорит, что нельзя с мальчиками общаться...» (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет), «С незнакомыми мальчиками папа не разрешает общаться» (ПМА: сообщение армянки С., 14 лет), «С мальчишками не как там. Мы там как братья и сестры, а здесь каждый сам за себя» (ПМА: сообщение армянки М., 16 лет).

Однако в условиях иноэтничной среды поведение со сверстниками в Москве меняется как у девочек – «с мальчиками мы там вообще не общаемся, здесь, как хочу, могу подойти спокойно, ударить» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет), так и у мальчиков – «с девочкой нельзя сидеть, на личные темы разговаривать, но, если она из класса, то можно» (ПМА: сообщение чеченца М., 14 лет), «с одноклассницами, конечно,веду по-другому, обычаи там другие, с девчонками у нас не особо можно общаться, гулять, а здесь можно гулять с девчонками» (ПМА: сообщение чеченца М., 17 лет).

Расположение членов семьи за обеденным столом. Известная исследовательница структуры пространства человека Дж. Фаст отмечает, что размещение членов семьи за столом отражает характер внутрисемейных отношений, а нормы совместного проживания, определяющие место каждого члена семьи в пределах дома, отражают культурную специфику семьи [17]. При приеме пищи у народов Северного и Южного Кавказа было принято четкое гендерное разделение застолья, которое, помимо всего прочего, отличалось в семантическом плане почетностью места. Так, традиционно в Осетии, Дагестане, в горных районах Грузии мужчины во время обрядовых и повседневных трапез рассаживались на скамьях (глава семьи – на особом, почетном кресле). Мужчинам ставили еду на стол или на небольшие столики. Женщины же рассаживались на подушки либо сидели на корточках или на земле, а пищу себе расставляли на низких столиках, подносах или досках [21].

Наши респонденты отметили, что почти во всех армянских семьях за столом члены семьи строго садятся на свои места. Как отметили школьники, глава семьи (отец) сидит «*наверху*» (ПМА: сообщение армянки Э., 13 лет), т.е. во главе стола, обычно напротив двери, а мать или рядом с ним, или ближе к кухонной утвари, «*с краю*» (ПМА: сообщение армянки К., 14 лет). Если отца нет, то на его место может сесть старший сын или мать, что связано с трансформациями внутрисемейных отношений в армянских семьях, приведших к повышению статуса женщины и младшего мужчины [25. С. 322].

В семьях грузин четко понятие «главы стола» не выделяется. Члены семьи или садятся за стол, «как получится» (ПМА: сообщение грузинки М., 13 лет), или же у каждого члена семьи есть свое место, но школьники не отмечают понятие почетного места для главы семьи.

В семьях азербайджанцев отец сидит всегда во главе стола, а старший сын – напротив отца. У женщин же нет определенного места за столом, они садятся «кому как удобно». Женщины часто едят после мужчин, и уже после них едят дети (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет). При общей трапезе женщины и дети всегда сидят ближе к двери.

Школьники ингуши и чеченцы отметили, что в их семьях сохраняется строгое соблюдение мест за сто-

лом. Так, отец сидит во главе стола, обычно это ближе к окну или напротив двери, рядом с ним располагаются старшие сыновья. Мать садится чаще всего напротив отца, дети – вокруг них. «За столом у каждого свое место, – кричат, если кто-то сел не на то место» (ПМА: сообщение ингушки М., 13 лет).

Гостеприимство. Институт гостеприимства занимает видное место в системе соционормативной культуры народов Кавказа [30, 31]. В традиционном быту было обязательным строгое соблюдение этого широко распространенного обычая [23. С. 524; 32. С. 132–137]. Институт гостеприимства традиционно играл исключительно важную роль в системе межличностных, межгрупповых и даже международных связей [29. С. 323]. По кавказскому этикету гость в доме занимал особое, почетное место. В традиционном доме самым почетным местом в общем зале считалось место у очага, наиболее удаленное от входа, где обычно располагался хозяин дома [29. С. 296; 32. С. 132–137].

Наше исследование показало, что почтительное отношение к гостю и его особое место в доме сохраняются в семьях, переехавших с Кавказа в Москву. Среди опрошенных нами детей вайнахов в подавляющем большинстве семей, независимо от прожитых в иноэтничном окружении количества лет, гостя обязательно усаживают за стол на почетное место, т.е. рядом с главой семьи, на наиболее удобное место (например, самый мягкий стул) и, как правило, наиболее удаленное от входа. Первыми едят мужчины, потом женщины, часто даже без детей. «Когда гости, то едят только мужчины, маме и другим женщинам нельзя» (ПМА: сообщение чеченки А., 9 лет), «Гости мужчины едят отдельно от женщин и детей, дети едят самыми последними» (ПМА: сообщение чеченца М., 13 лет). Школьники особо отмечают возраст 13–15 лет, с которого молодые люди уже могут сидеть за столом с гостями (ПМА: сообщение чеченки М., 10 лет). Известно, что у народов Кавказа подростки к 15 годам занимали в семье положение на правах взрослых ее членов и имели право садиться за стол вместе со взрослыми [25. С. 317]. Исследование, проведенное нами среди осетинских школьников, показало, что застольный этикет лучше всего знают мальчики средней и старшей возрастных групп. Это связано с тем, что именно в этом возрасте мальчиков начинают сажать за стол наравне с мужчинами [24].

Все армянские школьники также отметили почтительное отношение к гостю, указав, что при гостях «мать сидит с краю» (ПМА: сообщение армянки К., 14 лет), хозяйка, «если понадобится, уступают свои места» (ПМА: сообщение армянки М., 16 лет). При этом отмечается, что глава семейства в большинстве случаев остается на своем месте, а гости садятся между членами семьи «на оставшиеся места» (ПМА: сообщение армянки С., 15 лет).

У грузин нет четкого выделения почетных мест для гостей, они садятся сами «на лучшие места, там, где

еда стоит, они сами выбирают» (ПМА: сообщение грузинки Н., 17 лет) или же садятся гости и хозяйка «по кругу в разброс» (ПМА: сообщение грузинки К., 9 лет). В целом в семьях армян и грузин, проживающих в Москве более 5 лет, наблюдается тенденция к размыванию понятия почетного места: гостя могут усаживать как на лучшее место, так и на любое свободное, например между детьми или рядом со входом.

Застолье на Кавказе – это процесс, предполагающий очень строгую иерархию участников [29. С. 327; 32. С. 130]. Гости располагались на удаленной от входа стороне стола, рассаживаясь по старшинству – чем моложе гость, тем ближе он к выходу [20. С. 23]. Если традиционно у грузин женщины и мужчины располагались за столом отдельно, то уже в 1990-е гг. такая половая сегрегация сохранилась только в деревне, а в городе женщины могут сидеть за столом наряду с мужчинами (за исключением длительных ночных застолий) [33]. Наши респонденты отметили, что в семьях армян и грузин дети могут сидеть за праздничным столом вместе со взрослыми. А в семьях дагестанцев, азербайджанцев, ингушей и чеченцев, независимо от времени проживания в иноэтничной среде, соблюдается строгая иерархичность в застолье. В их семьях зачастую женщины и дети едят отдельно от мужчин. Это в целом отражает как традиционное разделение гостей на две группы – старших и младших, и размещение их в разных помещениях, так и запрет женщинам садиться за стол вместе с мужчинами [29. С. 324–328].

По этикетным нормам гостя следует уложить спать на самое удобное место, которым зачастую выступает спальное место хозяев. Действительно, как рассказало нам большинство респондентов, гостей чаще всего укладывают на специальные гостевые места при их наличии или на спальные места родителей. Часто хозяйка старается каким-то образом гостей отделить, например отгораживают занавесками спальное место в прихожей (ПМА: сообщение грузинки К., 10 лет).

Если родители уступают свои спальные места, то сами ложатся с детьми, на местах детей или на дополнительных местах, например на надувных матрасах. Дети, в свою очередь, могут спать на менее удобных местах, отдавая свои спальные места родителям. В семьях чеченцев и ингушей соблюдается следующее правило: гостей мужчин укладывают спать в комнате хозяев или сыновей хозяев, хозяйка уходит спать в комнату дочерей. Этикетное правило расположения гостей несколько трансформируется в семьях, проживающих в иноэтничном окружении. Так, к примеру, гостей уже нередко укладывают спать не на самые удобные места, а на дополнительные (ПМА: сообщение чеченки Л., 16 лет), в том числе и на пол (ПМА: сообщение грузинки М., 12 лет).

Отношение к старшим. Наиболее частым критерием «почетности» гостя выступает возраст человека [20. С. 94]. Как свидетельствуют данные разных авторов, по отношению к главе семьи, а также людей, обла-

дающих правом на «признание авторитета», на Кавказе были приняты определенные нормы этикета: при их появлении все вставали, его указания слушали стоя и в его присутствии не имели права громко разговаривать [23. С. 520; 25. С. 314; 29. С. 305]. Так, школьники-армяне особо подчеркивают «осмысленное уважение к старшим», «при пожилom человеке веду себя скромно, с уважением» (ПМА: сообщение армянина Д., 16 лет). И, хотя большинство респондентов-армян отметили, что вставать при входе старшего не требуется, некоторые девочки при входе старшего могут привставать (ПМА: сообщение армянки К., 13 лет). И юноши, и девушки отметили, что в случае приезда пожилого человека его нужно обязательно накормить или напоить чаем.

Хотя и не все грузинские школьники отметили, как нужно вести себя при пожилom человеке, все же у них сохраняется этикетное поведение со старшими. Так, мальчик отметил, что при появлении пожилого человека «поворачиваюсь, встаю, ухожу с того места, где я был и перестаю делать то, что делал в тот момент, здороваюсь» (ПМА: сообщение грузина Г., 9 лет). При пожилom человеке, как отмечает девушка, «стараясь не ругаться и не кричать, если места нет, то уступаю место» (ПМА: сообщение грузинки Н., 17 лет).

Азербайджанцы и дагестанцы также отметили подчеркнутое уважительное отношение к пожилomu человеку: «Я встану, поприветствую, предложу сесть» (ПМА: сообщение азербайджанца Ш., 10 лет); беспокойство о его здоровье: «Конечно, уступаем всегда, потому, что вдруг несчастье какое случится» (ПМА: сообщение азербайджанки И., 9 лет) и заботу о его состоянии: «Я встану, уступлю место, что-нибудь предложу» (ПМА: сообщение аварца Ш., 13 лет).

Все без исключения чеченцы и ингуши, независимо от времени проживания в Москве, отметили, что если в комнату входит старший по возрасту, то младший обязательно должен встать, при этом мальчик может просто привстать (ПМА: сообщение чеченца М., 14 лет). Это правило работает только в одну сторону: «Если заходит пожилой, всегда встаю, кто угодно, если младшие – сижу, как сидел» (ПМА: сообщение чеченца И., 13 лет). Это правило соблюдают дети и при входе отца в комнату: «Папа пришел, резко встали, поздоровались и ушли» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет).

Кавказское общество в целом культивировало сдержанное публичное поведение – с детства члены этого общества должны были владеть этикетными нормами поведения, быть сдержанными в проявлениях своих чувств и эмоций, уметь отвечать за свои поступки. Поэтому взрослые старались не унижать ребенка, не разрушать его самоуважения [34. С. 241; 35].

Традиционно поведение в отношениях между родителями и детьми было строго регламентировано нормами этикета. У народов Кавказа эти нормы предписывали родителям, а особенно отцам, проявлять демонстративную сдержанность по отношению к детям – при

посторонних отец и мать не могли нянчить детей, кормить их и вообще проявлять по отношению к ним какую-либо заботу [20. С. 28; 23. С. 521–522; 36. С. 63]. Это правило до сих соблюдается, особенно строго у вайнахов. Только в интимном кругу семьи (жены и детей) отец мог понынчиться с детьми и проявить свои чувства [36. С. 64]. Наши данные показали, что в настоящее время в Москве внутри семьи родители показывают свою любовь и заботу детям, при этом нередко отцы более сдержанно и строго относятся к сыновьям. Так, например, «мама, в отличие от папы, успокаивает, гладит» сына (ПМА) сообщение армянина В., 12 лет), а «если сидят девочки, то папа с его места не выгонит, если мальчик, то выгонит» (ПМА: сообщение чеченки М., 9 лет).

Обсуждение. В процессе исторического развития народа формируется определенная стереотипная модель жилища, специфическая для данного этноса [9. С. 3]. Но, меняя место своего проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но и перекраивают жизненное пространство, изменяя при этом свою повседневную жизнь [37]. И хотя на Кавказе традиционная расширенная семья уже в начале XX в. уступила место малой семье, некоторые ее черты сохраняются до сих пор [38].

Наше исследование показало, что в семьях московских мигрантов нередко в одном доме проживают три поколения одной семьи, а также совместно живут две и более малые семьи. Исследователи структурирования жилого пространства выделяют две его категории: «закрытое» и «открытое» [20. С. 23; 38]. В первых домах обычно живут «закрытые» семьи. В таких домах предметы находятся в четко отведенных для них местах, а у каждого члена есть четко закрепленное за ним место в доме. Семьи, живущие в таком доме, отличает конформизм к господствующим в обществе и культуре правилам. В отличие от «закрытых» семей, «открытые» характеризуются большей открытостью, места в доме не строго распределены между членами семьи. В нашем исследовании к категории «открытых» семей можно отнести семьи армян и грузин, а к «закрытым» – вайнахов, дагестанцев и азербайджанцев. Однако чеченцы и ингуши отличаются наибольшей «закрытостью» и четким соблюдением структурирования пространства.

Одно из объяснений заключается в том, что вайнахи в целом лучше других кавказских народов сохранили свои обычаи и культуру [39. С. 284–308]. Помимо этого, и чеченцы, и ингуши поддерживают гораздо тесную связь с родным регионом, чаще ездят в родной город или село, зачастую сохраняют там дома, – все это способствует сохранению этикетных норм и обычаев. Также сама иноэтническая среда иногда даже способствует некоторой актуализации этнического самосознания и нормативных правил поведения [40. С. 117].

Также нами обнаружено, что во внутрисемейных отношениях зачастую сохраняются характерные обычаи для традиционной семьи на Кавказе – сдержанное отно-

шение между родителями (особенно отцом) и детьми, подчинение младших старшим, ранняя половая сегрегация детей, этикетное поведение при приеме гостей.

Под воздействием исторических событий этноэтикет нередко изменяется [20. С. 8]. Так, за годы советской власти из-за политических, экономических и социальных изменений в жизни общества этикетное поведение значительно упростилось из-за активного вторжения в повседневную жизнь народов государственных институтов [20. С. 34; 25. С. 320–321].

Организация внутреннего пространства дома в локальных этнических группах претерпевает значительное изменение по сравнению с родным регионом и зачастую вбирает в себя элементы жилища соседних народов [12]. При этом наше исследование показало, что наибольшее размытие этнических норм наблюдается в семьях армян и грузин, в отличие от семей других этнических групп. На наш взгляд, такое положение вещей может быть объяснено двумя причинами.

Первая причина – это религиозный фактор, ведь иноэтническая среда порой способствует некоторой актуализации этнического самосознания у мигрантов, а среди мусульман религиозные традиции зачастую становятся частью национальной культуры [40. С. 117]. Так, сравнивая трансформации организации жилого пространства у болгар и у татар, нами было выявлено, что у первых утрачиваются важные в традиционной культуре этикетные нормы (например, почитание кума), а у вторых сохраняется этикет гостеприимства и почитание старших, что также связано с разными религиозными установками [12].

Вторая причина, на наш взгляд, заключается в разнице статуса женщины в семье. Большее равноправие в отношениях мужа и жены, активная роль женщины в заработке денег наблюдаются в семьях армян и грузин [25. С. 320–322]. Статус женщин в семьях армян и грузин,

в отличие от многих других народов Кавказа и Ближнего Востока, всегда был очень высок [23. С. 520–521; 25. С. 314–315].

В то же время в семьях азербайджанцев, дагестанцев, а особенно чеченцев и ингушей, главой семьи всегда является муж, ему же принадлежит право обеспечивать семью, а женщине остается роль домохозяйки. В этом случае матери больше проводят времени с детьми и больше имеют возможностей контролировать их поведение, что благоприятствует сохранению этикетных норм. Вторая выделенная нами причина тесно связана с первой. Такое же положение вещей мы наблюдали и при сравнении семей болгар и татар [12].

Резюмируя полученные данные, отметим, что большинство опрошенных нами детей и подростков народов Кавказа, как и в более ранних наших исследованиях, довольно строго соблюдает нормы и традиции пространственного поведения в семье, а также со взрослыми и детьми своей национальности [16, 28, 41, 42]. Девочки строже соблюдают нормы поведения своего народа, что диктуется им со стороны как родителей, так и мальчиков их национальности. Сами школьники отмечают, что в Москве другие традиции и нормы поведения, и то, что недопустимо в родном регионе, здесь является нормальным.

В школе, в условиях иноэтнического окружения, мигранты постепенно начинают вести себя так, как большинство окружающего их населения, и перенимать нормы поведения этнического большинства [43]. По всей видимости, можно говорить о том, что принятие норм пространственного поведения при переезде в иноэтническое окружение происходит постепенно. Отчетливые трансформации в поведении школьников становятся заметными через несколько лет при условии совместного обучения детей мигрантов с детьми коренных жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. La memoire et les rythmes. Paris, 1965.
- Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Баак ван Й. Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Всеволод. Иванова / Вяч.Вс. Иванов, М.В. Акимова, Е.В. Пермяков, Т.В. Цивьян (ред.). М., 2005. С. 40–74.
- Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 14–31.
- Bloch M. Placing the Dead: Tombs, Ancestral Villages, and Kinship Organization in Madagascar. London ; New York, 1971.
- Lévi-Strauss C. The Way of the Masks. London, 1983.
- Marcus C.C. House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home. Berkeley, CA, 1995.
- Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик, 2011.
- Традиционное жилище народов России XIX – начало XX века / отв. ред. Л.Н. Чижикова. М., 1997.
- Будина О.В. Жилище компактных этнических групп в иноэтническом окружении // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX вв. / Л.Н. Чижикова (ред.). М., 1997. С. 353–379.
- Феденко Ю.Н. Структурирование пространства в доме у болгар // Полевые исследования студентов РГГУ: этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. М., 2007. Вып. II / Д.П. Бак (ред.). С. 44–51.
- Феденко Ю.Н. Трансформация структуры пространства дома в локальных этнических группах (на примере болгар села Криничное Республики Украина и татар поселка Октябрьский Челябинской области) // Традиционная культура. 2009. № 2 (34). С. 42–48.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
- Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в антропологии. М., 2001.
- Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) // Советская этнография. 1978. № 5. С. 3–17.
- Бутовская М.Л., Феденко Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтнических школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева (ред.). М., 2007. С. 314–366.
- Фаст Дж. Язык тела // Холл Э. Как понять иностранца без слов. М., 1997. С. 11–224.

18. Всероссийская перепись населения 2010. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
19. Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю., Свежинский Е.А. Влияние этноконфессиональных факторов на динамику генофонда населения Москвы // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 113–128.
20. Тишков В.А. (ред.) Этноэтикет народов Северного Кавказа : науч.-учеб. пособие. Москва ; Пятигорск, 2014.
21. Карпов Ю.Ю. Мужской и женский лики Кавказа: два вечных воплощения единого // Татарский мир. 2004. № 8. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=547>.
22. Газданова В.С. Традиционная культура осетин. Владикавказ, 2006.
23. Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX века. М., 2005.
24. Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91.
25. Варданян Л.М., Закарян Т.З., Закарян Б.Е. Род, семья и система родства // Армяне. Серия «Народы и культуры» / Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисянц, А.Е. Тер-Саркисянц (ред.). М., 2012. С. 307–327.
26. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
27. Чечиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
28. Буркова В.Н. Агрессивное и постконфликтное поведение детей и подростков в кросскультурной перспективе (на примере русских и осетинских школьников) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
29. Тишков В.А. (ред.) Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007.
30. Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства // Советская этнография. 1985. № 4. С. 110–120.
31. Васильева О.А. Гостеприимство как элемент культурной традиции народов северного Кавказа // Народы Северного Кавказа: история и современность : матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Р.М. Касумов (отв. ред.). Хасавюрт, 2012. С. 42–47.
32. Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. М., 2004.
33. Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. Сухум, 1991.
34. Барцыц М.М. Культура мира и ненасилия в абхазской традиции // Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / М.Л. Бутовская (ред.). М., 2006. С. 233–245.
35. Хадикова А.Х. Осетинский этикет. Владикавказ, 2006.
36. Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства осетин. Владикавказ, 1994.
37. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
38. Смирнова Я.С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) // Советская этнография. 1977. № 5. С. 81–92.
39. Саватеев А.Д. Мусульмане Чечни между адатом, шариатом и исламским революционизмом // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 284–308.
40. Хайретдинов Д.З. Этнический состав мусульманской общины Москвы // Мусульмане изменяющейся России / Ю.М. Кобищанов (ред.). М., 2002. С. 113–128.
41. Буркова В.Н. Табуирование частей тела в традиционной культуре осетин // Телесность как социокультурный феномен: опыт междисциплинарного анализа : тез. докл. М., 2009. С. 122–123.
42. Феденок Ю.Н. Пространственное поведение детей и подростков в полиэтничных коллективных коллективах : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
43. Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение мигрантов в школьных коллективах: путь к адаптации // Миры культур и культура мира : сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» / О.Е. Хухлаев (ред.). М., 2011. С. 23–26.

Fedenok Ju. N. Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: fedenok.julia@gmail.com ; Burkova Valentina N. Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia) E-mail: burkovav@gmail.com

STRUCTURING OF THE LIVING SPACE OF HOME IN GROUPS LIVING IN ANOTHER ETHNIC ENVIRONMENT.

Keywords: proxemics; organization of space; living house; Caucasus ethnics; migrants of Moscow.

Dwelling house is an image of human-cultural space, it is a material reflection of identities and values of its inhabitants, and its location and internal structure organizes social relations of households. Structuring of the living space is a generalist of proxemics human behavior. In all cultures we found rules of etiquette governing the location of individuals in the house, depending on their status, age, sex and relationship. In proxemics it is expressed in the form of ethnic and etiquette regulations of ritualized communication in typical situations of interaction. The spatial organization of living space of house is absorbed in the process of socialization of children and reproduced and unchanged during adult life. These cultural standards are stereotyped and extremely stable, many of them remain almost unchanged for hundreds of years, preserving the imprint of an ancient culture. At the same time in a living space of home there is a change all the time. Such example is the structuring of the living space of home of a compact ethnic group living in another ethnic environment. This paper deals with the transformations of the organization of living space of home, taking place in the family of Caucasus ethnics migrated to Moscow. The study was conducted by interviewing children and adolescents of different ethnics and ages. It was found that ethnicity, number of family members, their age and gender composition and the number of rooms in the house or flat are the determining factors in the structuring of living space. Our data showed that the majority of children and adolescents strictly observes norms and traditions of the spatial behavior in the family (gender segregation, respect for elders, the rules of seating at the dining table). Girls stricter follow the norms of behavior of their ethnic, which dictated to them by both parents and boys of their nationality. However, at school, in another ethnic environment, migrants are slowly beginning to adopt standards of behavior of the ethnic majority. They note that in Moscow they can do something that is unacceptable in their own region, but for Moscow it is a normally. According to the classification of the J. Fast, in our study in proxemic category “open” families we included Armenians and Georgians, and to the “closed” – Naks (Chechens and Ingush), Dagestanis and Azerbaijanis. These differences explain of different religious settings, and greater freedom of the Armenian and Georgian women.

REFERENCES

1. Leroi-Gourhan, A. (1965) *Le geste et la parole. La memoire et les rythmes*. Paris: Sciences d'aujourd'hui.
2. Bayburin, A.K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Homes in the rites and beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka.
3. Baak van, Y. (2005) *Dom i mir* [Home and the World]. In: Ivanov, V.V., Akimova, M.V., Permyakov, E.V. & Tsivyay, T.V. (eds) *Antropologiya kul'tury* [The anthropology of culture]. Issue 3. Moscow: novoe izdatelstvo. pp. 40-74.
4. Tishkov, V.A. (2004) *Kul'turnyy smysl prostranstva* [The cultural significance of the space]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 14-31.
5. Bloch, M. (1971) *Placing the Dead: Tombs, Ancestral Villages, and Kinship Organization in Madagascar*. London, New York: Seminar Press.
6. Lévi-Strauss, C. (1983) *The Way of the Masks*. London: Jonathan Cape.

7. Marcus, C.C. (1995) *House as a Mirror of Self: Exploring the Deeper Meaning of Home*. Berkeley, CA.
8. Bgazhnokov, B.Kh. (2011) *Etnografiya adygov* [Ethnography of Circassians]. Nalchik: Elbrus.
9. Chizhikov, L.N. (ed.) (1997) *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX – nachalo XX veka* [Traditional accommodation of the peoples in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka.
10. Budina, O.V. (1997) Zhilishche kompaktnykh etnicheskikh grupp v inoetnichnom okruzenii [Residence of compact ethnic groups surrounded by another ethnos]. In: Chizhikov, L.N. (ed.) (1997) *Traditsionnoe zhilishche narodov Rossii XIX – nachalo XX veka* [Traditional accommodation of the peoples in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 353-379.
11. Fedenok, Yu.N. (2007) Strukturirovanie prostranstva v dome u bolgar [Structuring of the space in the house of Bulgarians]. In: Bak, D.P. (ed.) *Polevye issledovaniya studentov RGGU: etnologiya, fol'kloristika, lingvistika, religiovedenie* [Field studies of the RSUH students: Ethnology, folklore, linguistics, religious studies]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 44-51.
12. Fedenok, Yu.N. (2009) Transformatsiya struktury prostranstva doma v lokal'nykh etnicheskikh gruppakh (na primere bolgar sela Krinichnoe Respubliki Ukraina i tatar poselka Oktyabr'skiy Chelyabinskoy oblasti) [The transformation of the home space structure in local ethnic groups (a case study of the Bulgarian village Krinichnaya in Ukraine and the Tatar village Oktyabr'skiy in Chelyabinsk Region)]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2(34). pp. 42-48.
13. Butovskaya, M.L. (2004) *Yazyk tela: priroda i kul'tura (evolyutsionnye i kross-kul'turnye osnovy neverbal'noy kommunikatsii cheloveka)* [The Body Language: Nature and Culture (evolutionary and cross-cultural foundations of human non-verbal communication)]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Lich, E. (2001) *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v antropologii* [Culture and Communication: The logic of the relationship of characters. On the use of structural analysis in anthropology]. Translated from English. Moscow: Vostochnaya literatura.
15. Bgazhnokov, B.Kh. (1978) Kommunikativnoe povedenie i kul'tura (k opredeleniyu predmeta etnografii obshcheniya) [Communicative behavior and culture (to the definition of the object of ethnography of communication)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 3-17.
16. Butovskaya, M.L., Fedenok, Yu.N. & Burkova, V.N. (2007) Vzaimoponimanie i tolerantnost' v povedenii detey i podrostkov v usloviyakh mnogoetnichnykh shkol'nykh kollektivakh [Mutual understanding and tolerance in the behavior of children and adolescents in multiethnic school collectives]. In: Martynov, M.Yu. & Lebedev, N.M. (eds) *Molodezh' Moskvy: adaptatsiya k mnogokul'turnosti* [The Moscow Youth: Adaptation to multiculturalism]. Moscow: Russian University of People's Friendship. pp. 314-366.
17. Fast, J. (1997) *Yazyk tela* [The Body Language]. Moscow: AST. pp. 11-224.
18. Russian Federation. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [National Population Census 2010]. [Online] Available from: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
19. Kurbatova, O.L., Pobedonostseva, E.Yu. & Svezhinskiy, E.A. (2002) Vliyaniye etnokonfessional'nykh faktorov na dinamiku genofonda naseleniya Moskvy [Influence of ethnic and religious factors on the dynamics of the gene pool of the population of Moscow]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushcheyasya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 113-128.
20. Tishkov, V.A. (ed.) (2014) *Etiket narodov Severnogo Kavkaza* [Ethno-etiquette of the North Caucasus]. Moscow; Pyatigorsk: RAS.
21. Karpov, Yu.Yu. (2004) Muzhskoy i zhenskoy liki Kavkaza: dva vechnykh voploshcheniya edinogo [Male and female faces of the Caucasus: The two eternal embodiment of the one]. *Tatarskiy mir*. 8. [Online] Available form: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=547>.
22. Gazdanova, V.S. (2006) *Traditsionnaya kul'tura osetin* [Traditional culture of Ossetians]. Vladikavkaz: Sem.
23. Ter-Sarkisyants, A.E. (2005) *Istoriya i kul'tura armyanskogo naroda s drevneyshikh vremen do nachala XIX veka* [The history and culture of the Armenian people from ancient times to the early 19th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
24. Burkova, V.N., Fedenok, Yu.N. & Butovskaya, M.L. (2010) Prostranstvennoe povedenie u detey i podrostkov (na primere russkikh i osetin). *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 3. pp. 77-91.
25. Vardanyan, L.M., Zakaryan, T.Z. & Zakaryan, B.E. (2012) Rod, sem'ya i sistema rodstva [Gender, family and kinship system]. In: Vardanyan, L.M., Sarkisyan, G.G. & Ter-Sarkisyants, A.E. (eds) *Armenyane* [Armenians]. Moscow: Nauka. pp. 307-327.
26. Karpov, Yu.Yu. (2001) *Zhenskoye prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [The women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
27. Chechiev, A.R. (1985) *Ocherki istorii sotsial'noy kul'tury osetin* [Essays on the history of social culture of Ossetians]. Tskhinvali: Iryston.
28. Burkova, V.N. (2011) *Agressivnoe i postkonfliktnoe povedenie detey i podrostkov v krosskul'turnoy perspektive (na primere russkikh i osetinskiykh shkol'nikov)* [Aggressive and post-conflict behavior of children and adolescents in the cross-cultural perspective (a case study of Russian and Ossetian students)]. History Cand. Diss. Moscow.
29. Tishkov, V.A. (ed.) (2007) *Rossiyskiy Kavkaz. Kniga dlya politikov* [Russian Caucasus. A book is for politicians]. Moscow: Rosinformagrotekh.
30. Anchabadze, Yu.D. (1985) Prekrasnyy obyчай gostepriimstva [A wonderful custom of hospitality]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 110-120.
31. Vasilyeva, O.A. (2012) [Hospitality as part of the cultural tradition of the peoples of the Northern Caucasus]. *Narody Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost'* [The peoples of the North Caucasus: History and Modernity]. Proc. of the All-Russian Research Conference. Khasavyurt. pp. 42-47. (In Russian).
32. Martynova, M.Yu. (2004) *Mir traditsiy i mezhkul'turnoe obshchenie* [The world of traditions and intercultural communication]. Moscow: Russian University of People's Friendship.
33. Frangulandi, A. (1991) *Greki-pontiytsy: doroga dlinoj v 2,5 tysyachi let* [The Greek Pontians: The Road of 2.5 thousand years long]. Sukhum: [s.n.].
34. Bartysyts, M.M. (2006) Kul'tura mira i nenasiliya v abkhazskoy traditsii [Culture of Peace and Non-Violence in the Abkhaz tradition]. In: Butovskaya, M.L. (ed.) *Agressiya i mirnoe sosushchestvovanie: universal'nye mekhanizmy kontrolya sotsial'noy napryazhennosti u cheloveka* [Aggression and peaceful coexistence: Universal control mechanisms for social tension]. Moscow: Nauchnyy mir. pp. 233-245.
35. Khadikova, A.Kh. (2006) *Osetinskiy etiket* [The Ossetian etiquette]. Vladikavkaz: V.A. Gassiev.
36. Dzutsev, Kh.V. & Besaeva, T.Z. (1994) *Etnografiya detstva osetin* [Ethnography of Ossetians childhood]. Vladikavkaz: Newspaper and Magazine Printing House.
37. Brednikova, O. & Tkach, O. (2010) Dom dlya nomady [The house for nomads]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium. Social Research Journal*. 3. pp. 72-95.
38. Smimova, Ya.S. (1977) Kul'turnoye vzaimodeystvie i sem'ya (po materialam Severnogo Kavkaza) [Cultural interaction and family (in the North Caucasus)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 81-92.
39. Savateev, A.D. (2002) Musul'mane Chechni mezhdud adatom, shariatom i islamskim revolyutsionizmom [Chechen Muslims between adat, Sharia and Islamic revolutionism]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushcheyasya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 284-308.
40. Khayretdinov, D.Z. (2002) Etnicheskiy sostav musul'manskoy obshchiny Moskvy [The ethnic composition of the Muslim community of Moscow]. In: Kobishchanov, Yu.M. (ed.) *Musul'mane izmenyayushcheyasya Rossii* [Muslims of the changing Russia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 113-128.
41. Burkova, V.N. (2009) [Taboo of body parts in the traditional culture of Ossetians]. *Telesnost' kak sotsiokul'turnyy fenomen: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza* [Corporeality as a social and cultural phenomenon: Interdisciplinary analysis]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 122-123. (In Russian).
42. Fedenok, Yu.N. (2011) *Prostranstvennoe povedenie detey i podrostkov v poliethnichnykh kollektivnykh kollektivakh* [The spatial behavior of children and adolescents in the multiethnic collective teams]. History of Cand. Diss. Moscow.
43. Butovskaya, M.L. & Fedenok, Yu.N. (2011) [Communicative behavior of migrants in the school community: A way to adapt]. *Miry kul'tur i kul'tura mira* [The world of cultures and the culture of the world]. Proc. of the 3rd All-Russian Research Conference. Moscow. pp. 23-26.